

В. В. Высокова*

**ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ:
О. М. МЕДУШЕВСКАЯ И ЕЕ УЧИТЕЛЯ**

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ являются замечательным поводом к мемориальной тематике, к осмыслению накопленного профессиональным сообществом символического капитала славных трудов и подвигов «отцов» и «дедов». Тем более это важно в начале XXI в., когда пришло осознание целостности «тела» отечественной исторической науки, пережившей в минувшем столетии два острых историографических кризиса. Невзирая на различные идеологические коннотации, вклад Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, Е. В. Тарле и многих других в историческую науку является общепризнанным и определяет развитие современного научного знания. Особый интерес в этой связи представляет изучение «цеховой генеалогии», отражающей такой важный аспект трансляции профессиональной культуры как передача «ремесленных» знаний и навыков. Это очевидно в «линии» С. М. Соловьев—В. О. Ключевский—С. В. Бахрушин—А. А. Зимин—С. М. Каштанов. А можно проследить другую «ветвь»: С. В. Бахрушин—М. Н. Тихомиров—Н. Н. Покровский—(А. Х. Элерт; А. Т. Шашков; В. И. Байдин). «Сюжет», менее освоенный отечественной историографией: Т. Н. Грановский—В. И. Герье—Р. Ю. Виппер—Н. М. Лукин—М. Далин—А. З. Манфред... В этом контексте следует обратить внимание на особый «генеалогический ряд», тесно связанный с оформлением в отечественной историографии вспомогательных исторических дисциплин, таких как дипломатика, археография, архивоведение. Речь идет о петербургской исторической школе и ее развитии в XX в.

Родоначальником древа по праву можно считать Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского, который первым в отечественной историографии создал учебник по теории истории или источниковедению, как он это понимал. Методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского, его научно-организационной работе посвящен обширный круг литературы. Однако залог жизненности наследия Лаппо-Данилевского базируется не в последнюю очередь на «высоком» несении им миссии Учителя, на феномене передачи молодому поколению интеллектуально-духовного потенциала своих идей и мастерства. И это немаловажный фактор, т.к., по большому счету, именно ученики Лаппо-Данилевского С. Н. Валк и А. И. Андреев дали наиболее четкий и исчерпывающий анализ трудов учителя, посвятили свою жизнь их развитию и самое главное, транслировали этот опыт в учебно-профессиональной и научной работе уже советского периода.

Каким же было научно-профессиональное кредо А. С. Лаппо-Данилевского, воспитавшего плеяду неутомимых собирателей источников, издателей, комментаторов, выдающихся археографов? По собственному признанию ученого, выбор темы в студенческие годы на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета – история московского государственного строя – определился сильным влиянием видных представителей историко-юридической

---

* *Высокова Вероника Витальевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург)

школы Б. Н. Чичерина и А. Д. Градовского. Непосредственным руководителем молодого исследователя стал в то время доцент Петербургского университета Е. Е. Замысловский, успешно защитивший в 1884 г. докторскую диссертацию «Герберштейн и его историко-географические известия о России», также в эти годы учитель истории будущего императора Николая II. Известность Замысловскому принес учебный атлас по русской истории, выдержавший три издания (1865, 1869 и 1887). Под его редакцией были выпущены четыре тома «Летописей занятий Археографической комиссии»¹. Деятельность наставника оказывала существенное влияние на формирование Лаппо-Данилевского как источниковеда и археографа, развивала вкус к историко-географической тематике.

В 1890 г. Лаппо-Данилевский успешно защитил магистерскую диссертацию о прямом налогообложении в Московском государстве XVII в. Начинается активная преподавательская и научная деятельность. С 1894 г. ученый являлся членом Императорской Археографической комиссии министерства Народного просвещения. В 1899 г. в 36-летнем возрасте Лаппо-Данилевский избран действительным членом Императорской Академии Наук, где первым его поручением было составить план издания архивных документов XVI–XVIII вв. Ознакомившись с организацией архивного дела в Германии и Австрии Лаппо-Данилевский представил проект в 1900 г.² и с этого момента возглавил археографическую работу в Академии. Суть проекта состояла в подготовке к изданию грамот Коллегии экономии. Архив Коллегии являлся обширным собранием купчих, данных, меновых, духовных грамот, а также порядочных, ссудных, жилых, служилых кабал, т. е. частных актов Московского государства XVI–XVII вв., по преимуществу русского Севера³. С 1902 г. и по 1912 г. регулярно в печати выходят отчеты о подготовительных работах, помещенные в протоколах заседаний историко-филологического отделения Императорской Академии наук⁴. Свой выбор ученый объяснял однородностью коллекции, большим объемом (около 15 тыс. актов) и уже проделанной работой чиновником Московского архива Министерства юстиции С. Шумаковым (где грамоты Коллегии экономии хранились)⁵.

Естественным образом уже в середине 90-х гг. вокруг Лаппо-Данилевского начинает формироваться круг единомышленников из молодежи, которую он вовлекает в свою обширную научно-исследовательскую и публикаторскую деятельность. С 1894 г. фактически постоянно Лаппо-Данилевский руководит студенческим кружком-семинарием⁶, который базировался на коллективном «про-

¹ Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. V–VIII. СПб., 1871, 1877, 1884, 1888.

² План издания архивных документов XVI–XVIII веков, выработанный адъюнктом А. С. Лаппо-Данилевским / Протоколы заседаний Историко-Филологического отделения Императорской Академии Наук. 1901. Приложение № 2 к протоколу от 10 января 1901 г. Цит. по: Список трудов А. С. Лаппо-Данилевского // РИЖ. Кн. 6. 1920. С. 33.

³ РГАДА. Ф. 281, 15194 ед. хр., 1371–1795. Оп. 1–21 / Режим доступа: <http://guides.rusarchives.ru>

⁴ Отчет о подготовительных работах для издания Сборника «грамот Коллегии экономии» в 1901 г. / Протоколы заседаний Историко-Филологического отделения Императорской Академии Наук. 1901. Приложение № 1 к протоколу от 7 ноября 1901 г. ; Отчет о подготовительных работах для Сборника грамот бывшей Коллегии экономии» в 1902 г. / Известия Императорской Академии Наук. Серия V. Т. XVII. 1902. № 5; и т. д.

⁵ Копанев А. И. Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка / Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. IX. С. 85.

⁶ Цит. по: Ростовцев Е. А. Н. И. Кареев (1850–1931) и А. С. Лаппо-Данилевский (1863–1919): видные представители российской исторической науки рубежа XIX–XX вв.

движении» исследовательских задач и служил развитию молодых интеллектуальных сил. С 1904 г. в связи с реализацией плана Академии особое место в семинарии заняли штудии по дипломатике частных актов⁷. Таким образом, Лаппо-Данилевский стал вдохновителем группы молодежи по собиранию частных актов древнерусского гражданского права. Перед участниками семинара была поставлена конкретная задача – составление каталога частных актов Московского государства. Б. Д. Греков как участник семинара А. С. Лаппо-Данилевского, к тому времени уже окончивший Московский университет, впоследствии писал: «... Его семинары были немногочисленны по составу участников, потому что работать у А. С. было трудно. Он молчаливо этого требовал. Особый подбор устраивался самым естественным образом: оставались в его семинарии только те студенты, которые хотели и умели много работать. За то можно сказать, что почти не было ни одного из членов его семинария, кто бы не оставил по себе следа в русской исторической науке... голословному утверждению или фантастическому выводу не было места в его кружке. Строжайшая научная выправка оставалась отличительной чертой Лаппо-Данилевского... Я помню, как поразили меня те открывшиеся передо мною горизонты, которые я увидел в конце учебного года, когда под руководством А. С. мы в количестве шести человек в 1907/1908 академическом году работали над изучением дипломатики частных актов Московского государства, как я был поражен широтою выводов, какие получились из наблюдений над эволюцией форм актов гражданского права Московского государства, выводами не произвольными, не продиктованными теми или иными интуитивными догадками, а пришли к твердым выводам, основанным на строгом изучении огромного количества мелких фактов. Из нашего семинария выросла небольшая, но очень интересная статья А. С., напечатанная им в сборнике в честь В. О. Ключевского, «Служилая кабала позднейшего типа»⁸.

Из семинария А. С. Лаппо-Данилевского вышли И. М. Гревс, А. Е. Пресняков, Б. Д. Греков, М. А. Дьяконов, Г. В. Вернадский, Б. А. Романов, А. И. Андреев, С. Н. Валк и многие другие. В предвоенные годы серьезным помощником Лаппо-Данилевского становится Александр Игнатьевич Андреев, поступивший в университет вольнослушателем в 1909 г. уже в двадцатитрехлетнем возрасте. Первой студенческой работой Андреева стал доклад «Духовные грамоты великих князей Московских». В 1913 г. Лаппо-Данилевский устроил его на работу в Постоянную историческую комиссию Академии наук, где Андреев занимался преимущественно подготовкой к изданию «Сборника грамот Коллегии экономики». Дебютом Андреева стала статья «Отступные грамоты. К истории крестьянского землевладения на Севере в XVI в. » в сборнике, посвященном 25-летию научно-педагогической деятельности А. С. Лаппо-Данилевского в 1915 г. Этот сборник состоял исключительно из статей участников дипломатического семинария Лаппо-Данилевского и был связан с его проблематикой. Среди авторов были А. И. Андреев, А. А. Шилов, В. И. Веретенников, В. Н. Кун, Г. М. Котля-

// Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 4 (12). С. 111; А. Е. Пресняков – матери. 17 сентября 1894 г. // Архив СПб. филиал Института российской истории. Ф. 193. Оп. 2. Д. 2.

⁷ Шилов А., Андреев А. Лекции и практические занятия А. С. Лаппо-Данилевского в Петроградском университете в 1890–1918 гг. // Русский исторический журнал. Кн. 6. 1920. С. 42–43.

⁸ Греков Б. Д. Ученая и учебная деятельность А. С. Лаппо-Данилевского // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. 1919. № 56. С. 153–154.

ров, М. Ф. Злотников, Н. И. Сидоров, М. Н. Смирнов⁹. Уже здесь в 1915 г. возникает необходимость обобщить научно-исследовательский опыт Лаппо-Данилевского. М. А. Дьяконов одним из первых оценил деятельность Лаппо-Данилевского как создателя «школы... научно-критического изучения источников»¹⁰. Ученик А. С. Лаппо-Данилевского Т. И. Райнов в отдельной статье первым обратил внимание на удивительный «процесс умственного и научного созревания» в семинарии Лаппо-Данилевского, который «заботился о внутренней стройности, строгости и четкости... и менее всего о внешней красоте»¹¹.

К этому времени уже оформилось научно-профессиональное кредо ученого:

– «убежденный представитель... концепции истории, которая движущую, творческую силу ее процесса видит в человеческих сознаниях»¹²; он выразитель немецкой классической философии: «... ученые материалисты верят лишь в то, что доказано опытом. Безумные! Не разительное ли доказательство представляет вам сама природа о том, что есть вещи которые для вас непостижимы! И неужели то, чего не понимает ваш слабый, земной, человеческий, ограниченный ничтожный ум, того не может и не должно существовать в природе!? Какая детская и странная претензия! И может ли она увлечь мудрого человека?»¹³.

– видение научного знания как универсального: «Взятая в ее абсолютном значении, наука не имеет, конечно, никакой истории: она есть вечно единое знание истины, которое покоится в самом себе и только логически раскрывается в системе научного мышления... В смысле абсолютно значимого систематического единства знания наука, разумеется, стоит вне пространства и времени, национальных особенностей и т. п. В смысле «движения научной мысли», постепенно ее объединения – она имеет свою историю, которая происходит в данных условиях пространства и времени, в сознании»¹⁴.

– история как всякая прочая наука является точной и требует строгого соблюдения научных методов и принципов, неоднократно в воспоминаниях подчеркивается «незыблемая научная принципиальность Лаппо-Данилевского как линия всего его поведения»; это был «трудный человек» с «чрезмерным критизмом», выражавшимся в строгости, часто воспринимавшейся за мелочность и высокомерие»¹⁵.

– убежденность в системности научного знания как проявления всего сущего; огромные усилия предпринимал, чтобы придать эту системность исторической науке, что прежде всего проявилось в написании работы «Методология истории»; неустанная мысль о разыскании, описании, систематизации исторических источников вылилось впоследствии в самостоятельные отделы теории и

⁹ Историческое обозрение. Т. XXI: Сборник статей посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916; *Ростовцев Е. А.* А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань. 2004. С. 227.

¹⁰ *Дьяконов М. А.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Известия Академии Наук. 1919. VI серия. Т. XIII. № 8–11. С. 359–366.

¹¹ *Райнов Т. И.* О философских взглядах и педагогических приемах А. С. Лаппо-Данилевского // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1915. № 3. С. 44–57.

¹² *Гревс И. М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 81.

¹³ Цит. по: *Гревс И. М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 52.

¹⁴ Цит. по: Архив СПб. Филиала Академии Наук. Ф. 113. Оп. 1. Д. 67. Л. 1–3; Д. 131. Л. 4–5. Автограф; А. С. Лаппо-Данилевский. Заметки о развитии русской и европейской науки. *Есаков Е. В.* Неосуществленный проект Академии наук // Вестник Российской академии наук. 1997. Т. 67. № 12. С. 1129–1139.

¹⁵ *Гревс И. М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 44–81.

практики исторической науки: дипломатика, археография, архивоведение и т. д. С. Н. Валк позже оценит Лаппо-Данилевского как создателя новой для России вспомогательной научной дисциплины – дипломатики¹⁶.

– широта научного горизонта и энциклопедизм, «истинный, редко встречающийся, могучий по захвату и цельности, и по организованности, настоящая нерушимая база для объединяющегося построения системы мира, как она отражается в сознании человека и человечества... ему были чужды почти неизбежные недостатки всякого энциклопедизма – поверхностность и эклектичная бесхарактерность... у него же чувствовалась повсюду... самостоятельная, глубокая и сильная, именно научная мысль»¹⁷.

– высокое понимание своего этического долга; Б. А. Романов считал, что «в облике Лаппо-Данилевского сходятся логические и этические нити человеческой природы»; С. Н. Валк отмечал, что всю деятельность ученого пронизывали «нравственные чувства, этический императив». «То, что мы делали, не было для нас “отвлеченным началом”, оно проникало в душу... Чувство долга владело нами в занятиях, не только в их научной сущности, но и в житейском существе...». Установливалась духовная связь между учителем и учеником¹⁸.

– открытость исследовательской лаборатории историка, общение с учениками «на равных».

Сборник, посвященный юбилею А. С. Лаппо-Данилевского вышел в разгар Первой мировой войны. Многие из его учеников были демобилизованы, как например, С. Н. Валк. Для оставшихся этот сборник и дело, которое они делали с учителем, имели смысл сохранения своей профессиональной и человеческой идентичности, и веры в высокие идеалы. И. М. Гревс писал, что Лаппо-Данилевский был поражен войной и революционной бурей, поскольку «насилие всегда было недопустимо для его нравственного сознания». Мыслитель был погружен в жесткую муку и «может быть, смерть его, неожиданная и преждевременная явилась протестом против свершавшегося, разливавшегося кругом зла, мрака, неведения, хаоса, насилия, кровопролития»¹⁹. Скончался А. С. Лаппо-Данилевский от заражения крови в голодном и холодном Петрограде на 56-м году жизни 19 февраля 1919 г. В основном на долю А. И. Андреева выпало завершение дел Лаппо-Данилевского.

Последнее, что необходимо отметить в деятельности Лаппо-Данилевского последних лет жизни. В короткий послеоктябрьский период он, как и многие его коллеги, активно занимался архивной деятельностью. Он становится председателем Союза российских архивных деятелей в 1917–1918 гг. Его выступления и записки по архивному делу рисуют широкую программу реформ. Лаппо-Данилевский отстаивал переход к системному подходу в архивном деле, который включал бы в себя общее руководство по устройству и управлению архивами, меры по охране документов и архивных материалов, общее руководство по описанию архивов, программу подготовки архивных работников, защиту профессиональных интересов архивных деятелей. Многие его идеи легли в основу создания Единого государственного архивного фонда советского периода.

В воспоминаниях современников, да и в исторической литературе просматриваются две конфликтующие оценки научной деятельности Лаппо-Дани-

¹⁶ Валк С. Н. Воспоминания ученика // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 191.

¹⁷ Гревс И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 62.

¹⁸ Романов Б. А. А. С. Лаппо-Данилевский в университете (Две речи) // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 181–188; Валк С. Н. Воспоминания ученика // Там же. С. 193.

¹⁹ Гревс И. М. Указ. соч. С. 74.

левского. Одна выражена в едких словах дневника жены С. Ф. Платонова в год смерти Лаппо-Данилевского: «... в его жизни был один большой успех – раннее (в 30 лет) избрание в Ак[адемию] Наук, но ведь одним успехом не проживешь. Его магистерская диссертация при всех своих достоинствах, не была чем-либо особенно выдающимся, да и Милюков в своей рецензии на нее указал, что в финансах России большее значение имеют косвенные, чем прямые налоги, т[ак] ч[то] Л[аппо]-Д[анилевский] мог придти к выводу, что сама тема его поставлена неудачно. Докторской диссертации он так и не написал, хотя много лет собирал для нее материалы (по истории общественной мысли России XVIII в.). По мнению Тарле, Л.-Д., как очень благородный человек, мучился сознанием того, что не оправдал надежд, которые на него возлагались при таком раннем избрании его в Ак[адемию] Наук, не дал таких трудов, каких от него ожидали, а разменялся на разные съезды, комиссии, рецензии и т. д. – отсюда глубокая неудовлетворенность и озлобленность. Его отношение к С. Ф. [Платонову] Тарле, как и [М. И.] Ростовцев, объясняет завистью: С. Ф. мог дать и дал гораздо больше, чем Л.-Д., что последний прекрасно осознавал... Мне лично Л.-Д. представлялся всегда очень несчастным человеком: получив превосходное домашнее образование, зная много языков, обладая колоссальными знаниями и необыкновенной усидчивостью, он всю жизнь стремился воспарить в творческом порыве – и не мог, потому что в сущности у него не было таланта, творчества, интуиции»²⁰.

Другая точка зрения сформирована, прежде всего, его учениками и последователями. При серьезном и внимательном рассмотрении наследия А. С. Лаппо-Данилевского предстает цельный интеллектуальный облик исследователя, изучавшего всю жизнь по сути дела одну единственную проблему – «развитие «идеи государства» и понятий об этом между государственной властью и населением от Смутного времени до Петра и Екатерины II, когда произошел переход к «новым формам социально-политического строя и быта, и к новому по форме и содержанию укладу духовной культуры»²¹. Занятия по дипломатике, источниковедению, методологии истории носили в значительной степени вспомогательный характер по отношению к этой большой исследовательской проблеме.

Одним из наиболее выдающихся и последовательных учеников А. С. Лаппо-Данилевского явился А. И. Андреев, заложивший основы вспомогательных исторических дисциплин Московского историко-архивного института. Двадцатые годы были наполнены для Александра Игнатьевича напряженной научно-организаторской и исследовательской работой в Петрограде. В первую очередь, он завершает 20 летний труд целого коллектива под руководством Лаппо-Данилевского – в 1920 г. им подготовлен к печати «Очерк русской дипломатики частных актов»²². В 1922 г. выходит первый том «Сборника Коллегии экономии»²³. Одновременно были опубликованы «Правила издания сборника грамот Коллегии экономии»²⁴. Также в 1922 г. под редакцией А. И. Андреева вышел в

²⁰ Цит. по: *Ростовцев Е. А.* А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа... С. 240. ; *Платонова Н. Н.* Дневник // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5698. Л. 88–89.

²¹ *Пресняков А. Е.* А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // РИЖ. Кн. 6. 1920. С. 88.

²² *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк истории русской дипломатии частных актов. Пг. 1920.

²³ Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 1. Пг., 1922.

²⁴ Правила издания грамот Коллегии экономии. Т. 1. Грамоты Двинского уезда. [С]Пб., 1922.

свет и «Терминологический словарь частных актов Московского государства»²⁵. В 1929 г. под редакцией Андреева выпущен второй том «Сборника Коллегии экономии»²⁶, а также сборник материалов «Археографическая комиссия Академии наук, 1828–1834 гг.»²⁷. Наряду с работой в Академии Андреев много работает в Архиве Министерства путей сообщения, активно сотрудничает в журнале «Архивное дело», а также ведет преподавательскую деятельность в Археологическом институте, а по слиянии его с Ленинградским университетом – на археологическом отделении исторического факультета.

Избранная Андреевым в 30-е годы проблематика открытия Сибири русскими задала направление научных исследований ученого на всю жизнь. Интерес А. И. Андреева к историко-географической проблематике определялся, помимо вынужденного его пребывания в Красноярском крае в первой половине 30-х гг., и штудиями, восходящими к Е. Е. Замысловскому. Издание двух томов сочинения Г. Ф. Миллера «История Сибири» соответственно в 1937 г. и 1941 г. является научным подвигом Андреева и свидетельствует о виртуозном владении им навыками археографической работы. К слову сказать, продолжение публикации «Истории Сибири», а также знаменитых «портфелей Миллера», до сих пор остается проблематичным. И неслучайно темой докторской диссертации А. И. Андреева, успешно защищенной в 1940 г., стало источниковедение Сибири XVII–XVIII вв.²⁸ Им было подготовлено и опубликовано огромное количество статей по истории русских географических открытий и путешествий²⁹. Одна из учениц Андреева, К. Н. Сербина в 1950 г. подготовила к публикации знаменитый атлас Сибири С. У. Ремезова³⁰. В 1952 г. О. М. Медушевская под руководством В. К. Яцунского и непосредственным влиянием А. И. Андреева защитила кандидатскую диссертацию «Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке в XVIII в.». К 1955 г. В. К. Яцунский при поддержке А. И. Андреева создал учебник по исторической географии³¹.

²⁵ Терминологический словарь частных актов Московского государства. Пг. 1922.

²⁶ Сборник грамот Коллегии экономии / Под ред. А. И. Андреева. Том II. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольского-Мезенского и Важского уездов. Л., 1929.

²⁷ Описание актов, хранящихся в Археографической комиссии Академии Наук СССР. II. / Предисл. и под ред. А. И. Андреева // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 годы. Вып. 35. Л., 1929. С. 233–292.

²⁸ Очерки по источниковедению Сибири. XVII в. Л., 1940; Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск 2. XVIII в. Л. М., 1941;

²⁹ Андреев А. И. Труды Семена Ремезова по географии и этнографии Сибири XVII–XVIII вв. // Проблемы источниковедения. М., 1940. Сб. 3. С. 85–126; *Свен Ваксель*. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга / Пер. под ред., предисл. А. И. Андреева. Л., 1940; Неизвестные труды Ломоносова по географии, этнографии и истории России // Ломоносов. Сб. ст. и мат. М. -Л., 1940. Т. I. С. 297–301; Андреев А. И. Экспедиции В. Беринга // Известия Всесоюзного Географического Общества (далее – ВГО). 1943. Вып. 2. С. 3–44; *Он же*. Русские открытия в Тихом океане в первой половине XVIII в. // Известия ВГО. 1943. Вып. 3. С. 35–52; *Он же*. Вторая Камчатская экспедиция 1733–1743 гг. // Известия ВГО. 1944. Вып. 1. С. 56–58; Радищев А. Н. «Записки путешествия в Сибирь» и «Записки путешествия из Сибири» // Подг. текста и сост. прим. А. И. Андреева // Полн. собр. соч. А. Н. Радищева. М. -Л., 1952. Т. III. С. 251–304, 557–558, 600–604; и др.

³⁰ Книга Большому Чертежу. Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

³¹ Яцунский В. К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М., 1955.

В 1943–1949 гг. А. И. Андреев возглавил кафедру вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ. На занятиях со студентами, в научных диспутах он, как позже замечала выпускница кафедры 1944 г. О. М. Медушевская, демонстрировал принципиальные положения методологии источниковедения петербургской школы. А это означало «подход к историческим источникам как к явлениям культуры, рассмотрение вещественной и знаковой сторон источников, разработка видовых методов тончайшего критического исследования русских картографических, письменных, изобразительных и других источников в сравнительной перспективе. А. И. Андрееву удалось привлечь к разработке проблем методологии источниковедения и концепции курса значительные творческие научные силы, создать оптимальную структуру общего курса источниковедения. Вместе с В. К. Яцунским он занялся проблемой взаимодействия естественно-научных и гуманитарных аспектов в исследовании и преподавании источниковедения и исторической географии. Он сумел привлечь на кафедру звездный состав преподавателей в лице М. Н. Черноморского, А. А. Зимина, Л. В. Черепнина. При А. И. Андрееве усилилась «теоретическая разработка концепционных положений источниковедения»³².

Последние десять лет жизни А. И. Андреева были связаны с Ленинградом, где он активно продолжал трудиться в Ленинградском отделении Института истории (далее – ЛОИИ), Института естествознания и техники, Комиссии по истории Академии наук СССР, был членом Археографической комиссии, многочисленных ученых советов, сотрудником исторических журналов. Вел активную научно-исследовательскую работу. В ЛОИИ, где А. И. Андреев заведовал также и архивом института, который хорошо знал и ценил, он много сделал для упорядочения архива, в частности, под его руководством и редакцией был составлен «Путеводитель» по архиву, изданный в 1958 г. Конечно, пережив две опалы (по «академическому делу» рубежа 20–30-х гг. и в рамках борьбы с «лапоганилевщиной» в конце 40-х гг.), А. И. Андреев не имел такого широкого круга учеников как Лаппо-Данилевский. Его работы, отличающиеся фундаментальностью, насыщенностью скрупулезно собранным, тщательно выверенным и критически исследованным фактическим материалом, являются своеобразным учебным пособием для каждого нового поколения историков³³. И если наследие А. С. Лаппо-Данилевского сегодня реабилитировано в отечественной историографии, то интеллектуальная биография А. И. Андреева должна быть еще написана. И этот процесс был начат ученицей Андреева, Ольгой Михайловной Медушевской.

Таким образом, идеи и принципы методологии А. С. Лаппо-Данилевского оказались восприняты и получили развитие в Московском историко-архивном институте в значительной степени благодаря А. И. Андрееву. Наиболее последовательно во второй половине XX в. ее принципы в институте отстаивала и проводила О. М. Медушевская, трудившаяся на кафедре более 50 лет. Формирование Ольги Михайловны как исследователя пришлось на 40-е годы. Работа над кандидатской диссертацией началась под руководством А. И. Андреева, именно он увлек ее в мир картографических источников XVIII в. Позиция Андреева в разгар борьбы с учениками «буржуазных историков» Платонова и Лаппо-Дани-

³² Медушевская О. М. Источниковедение. Теория, История, Метод / Режим доступа: <http://avorhist.narod.ru>

³³ Сербина К. Н. А. И. Андреев — ученый и педагог: Из воспоминаний об учителе // Вспомогательные исторические дисциплины. 1985. Т. 17. С. 357–363.

левского стала испытанием и школой для молодой исследовательницы³⁴. После отъезда Андреева в Ленинград, научное руководство диссертацией взял на себя В. К. Яцунский. И в 1952 г. О. М. Медушевская успешно защитила кандидатскую диссертацию. В конце 50-х – начале 60-х гг. она выпускает ряд учебных пособий по картографическим источникам. Вместе с американистом А. В. Ефимовым создает атлас географических открытий XVII–XVIII вв.³⁵ С 50-х гг. систематически читает и углубляет общие курсы по источниковедению, методологии истории, где постепенно оформляется положительная оценка методологии А. С. Лаппо-Данилевского. В дискуссии о классификации исторических источников в конце 50-х гг. она вместе с В. К. Яцунским отстаивает видовой принцип, прямо вытекающий из методологии Лаппо-Данилевского. Докторская диссертация О. М. Медушевской «Теоретические проблемы источниковедения» была защищена в 1975 г. и по существу являлась обобщением и развитием основных положений методологии петербургской исторической школы. В 1983 г. выходит работа О. М. Медушевской, посвященная состоянию современного зарубежного источниковедения³⁶. Результаты исследования позволяют ей сделать вывод о концепции методологии источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского как наиболее цельном и систематическом учении об историческом источнике. Системность исторического знания и универсальность приемов и методов источниковедческой критики – это, пожалуй, главные принципы, которые отстаивала в своих работах О. М. Медушевская³⁷.

Жизненность и основательность методологических позиций О. М. Медушевской выдержали испытание временем. В своих работах 90-х годов – начала XXI в. она показала генетическое единство современной западной эпистемологии с методологией Лаппо-Данилевского и отечественным источниковедением в целом. В трудные для МГИАИ годы она стала идейным вдохновителем ежегодных все-союзных конференций кафедры вспомогательных исторических дисциплин. Являлась членом ряда Диссертационных советов, активно оппонировав кандидатские и докторские диссертации. Как член Археографической комиссии принимала участие в переиздании ряда публикаций исторических источников³⁸. Уже посмертно вышла книга О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории»³⁹. Поразительным образом в ее работах присутствует «космос» методологии А. С. Лаппо-Данилевского. Удивительная простота и изящность в изложении сложнейших теоретических проблем современного гуманитарного знания,

³⁴ Простоволосова Л. В. О несостоявшемся заседании памяти А. С. Лаппо-Данилевского в Историко-Архивном институте (1944 г.) // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 278; Простоволосова Л. В., Станиславский А. Л. «Мы советских людей, а не древних греков» (из истории советской исторической науки конца 1930–40-х гг.) // История СССР. 1989. № 6. С. 92–104.

³⁵ Медушевская О. М. Картографические источники XVII–XVIII вв. М., 1957; Она же. Картографические источники первой половины XIX в. М., 1959; Она же. Атлас географических открытий XVII–XVIII вв. М., 1962.

³⁶ Медушевская О. М. Современная буржуазная историография и вопросы источниковедения. М., 1979; Она же. Современное зарубежное источниковедения. М., 1983.

³⁷ Медушевская О. М. История в общей системе познания: смена парадигм. Доклад на XIX международной научной конференции «Единство гуманитарного знания: новый синтез». М., РГГУ. 25–27 января 2007 г. Вестник гуманитарные науки. 2007. № 3 / Режим доступа: <http://vestnik.rsuh.ru>

³⁸ Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное / Сост., ст. А. Б. Каменского; примеч. А. Б. Каменского и О. М. Медушевской. М., 1996.

³⁹ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

стремление дать надежные профессиональные навыки подрастающему поколению архивистов, археографов, источниковедов. О. М. Медушевская, как и А. С. Лаппо-Данилевский, исходит в своих теоретических построениях из универсальности научного знания: «Науки имеют общую цель – предоставление обществу нового, системно выстроенного, доказательного знания, ради получения которого цивилизованное общество нового и новейшего времени создает и поддерживает в рабочем состоянии социальный институт науки. Возникают концепции профессионализма, ученые получают определенный статус социального слоя, формируется научное сообщество. Это сообщество, в свою очередь, представляет собой неформальное объединение профессионально образованных ученых, разделяющих общие идеи данной области науки, вырабатывают свои критерии проверки научных результатов и соответствующие этические нормы по отношению к способам добывания и распространения научного знания»⁴⁰. В условиях становления новой исторической науки как науки о Человеке феномен исторического источника выступает в методологии О. М. Медушевской как реальная основа и информационный ресурс междисциплинарной интеграции, теория истории как строгого научного знания рассматривается в качестве системообразующей компоненты новой образовательной модели профессионализма исторического знания и фундаментального гуманитарного образования.

---

⁴⁰ Медушевская О. М. История в общей системе познания: смена парадигм... / Режим доступа: <http://vestnik.rsuh.ru>